

РЕЦЕНЗИИ

Michel Colardelle, Eric Verdel.

Chevaliers-paysans de l'an Mil au lac de Paladru. P.: Errance, 1993. 120 p.: ill., tabl., cartes.

Michel Colardelle, Eric Verdel (Dir.).

Les habitats du lac de Paladru (Isère) dans leur environnement:

la formation d'un terroir au XIe siècle. Préface de Christian

Goudineau. Postface de Robert Fossier. P.: Maison des sciences de l'Homme, 1993. 416 p.: ill., tabl., cartes.

(Documents d'archéologie française, n. 40).

Наше восприятие средневековья в немалой степени навеяно теми представлениями, какие составили себе о своем мире и обществе немногие образованные современники. Освобождению истории от почти фатального следования заложенным в изучаемых текстах моделям понимания социальной действительности помогает археология. Новизну света, который проливает история рыцарей-крестьян из озера Паладру на один из важнейших моментов истории Европы, при желании можно приписать микроисторическому масштабу, свойственному археологии вообще. В любом случае, работа французских археологов заставляет историков еще раз задуматься над теми понятиями, которыми они оперируют.

Результаты исследования представлены в двух публикациях – традиционно обстоятельном археологическом докладе и книге, адресованной более широкой аудитории. Хотя обе они вышли в одном году, последняя включает новый материал и новые акценты в его интерпретации.

Результаты эти таковы, что, “взвешивая свои слова”, Робер Фоссье отзывается о них, как о “лучшем во Франции примере средневековых раскопок, о котором историк может только мечтать”. Двадцатилетнее исследование уникально во всем. Его объектом стало небольшое поселение на берегу озера Паладру, в Нижнем Дофине, основанное в 1003 или 1004 г. и три десятилетия спустя, примерно в 1035 г., затопленное поднявшимися водами. Раскопки дают, по сути, моментальный снимок жизни колонистов. Поселение располагалось на ограниченной территории уходящего в озеро древнего мыса, что позволяет считать завершенные теперь раскопки исчерпывающими. Ушедшее под воду, оно не сгорело и не было разграблено, не претерпело существенного перемещения культурного слоя. В лишенной кислорода водной среде, с редкостными физико-химическими характеристиками, органические остатки, в том числе дерево, кожа, временами ткань, практически не разлагались. Исследование стало событием в развитии подводной археологии, до недавнего времени оставав-

шейся скорее сбором материала, нежели настоящими стратиграфическими раскопками. Возвращая слову “экология” его прямой смысл, оно также включило комплексный анализ всей древней экосистемы, в которой существовало поселение. Столь же пока ново для средневековой археологии предпринятое авторами сплошное археологическое обследование обширной территории окрестностей озера.

Поселение некогда представляло собой два, позднее три больших строения, занимавших значительную часть обнесенного четырехметровым частоколом пространства суши, примерно 47×24 м. Центральная постройка, двух- или трехэтажная, увенчанная наблюдательной вышкой, могла достигать в высоту 14 м. Ее основное внутреннее помещение – квадрат со стороной 10,5 м и огромным очагом в центре. Два другие строения несколько меньше, однако того же типа. По мнению археологов, в каждом из них располагалась отдельная супружеская семья со своими рабами и скотиной. Судя по инвентарю, семьи почти не различались между собой занятиями и образом жизни. Общая численность колонистов была не меньше 40, впоследствии 60 человек. Люди спешно ушли отсюда, оставив многие вещи. В руки исследователей попал материал, по-видимому, достаточно полно рисующий быт поселенцев. Почти не правдоподобным кажется обилие потерянных или сломанных за жизнь одного поколения предметов – в частности, 150 ложек, столько же гребней, 300 веретен, 200 ножей. О роли дерева в деревянной цивилизации средневековья историки слышаны, однако это надо видеть. Количество поднятого со дна озера железа поистине беспрецедентно и плохо согласуется с существующим представлением о его редкости и дороговизне. Еще более впечатляют разнообразие и характер сделанных находок.

Они демонстрируют “необычайно полную панораму агротехнических и ремесленных практик людей той эпохи”. Агрικультура являлась одной из основных составляющих многоотраслевого хозяйства колонистов. Пахотные орудия, плуги или сохи, житела, вероятнее всего, унесли с собой. Другой сельскохозяйственный инвентарь представлен среди находок в широком ассортименте. Это заступы, тяпки, разного назначения серпы и секаторы, лопаты. Ржаной клин дополняли такие малорентабельные и требовательные культуры, как пшеница, хлеб богатых, и необходимый для лошадей овес. Пионеры не сводили лес без разбора. Он давал лесные орехи, каштаны, желуди, дикие яблоки и вишню, малину и землянику – особенно в первое время, пока не стали плодоносить собственные посадки яблок, персиков, сливы, груши. На огороде росли бобы, горох, чечевица, а также лен и конопля. Наряду с земледелием, жители прибрежного поселка активно занимались рыболовством. Третьим важнейшим элементом хозяйства археологи называют грамотно поставленное животноводство, по преимуществу – свиноводство. Построенная на широком использовании всех доступных природных ресурсов и рациональной организации всех отраслей, экономика поселения предполагала их оптимальное сочетание, гасившее сезонные колебания в обеспеченности колонистов пищей.

Поселение сооружено по единому плану, с учетом особенностей грунта и исключительным знанием дела. Жители озера Паладру были не

только опытными строителями, но и замечательными плотниками и столярами. Они разборчивы в выборе материала, отличая свойства древесины 27 пород. Плотницкий и столярный инструмент включал 5 топоров, рубанок, бурава, стамески, пилки. Бочар мастерил бочки, ведра, бадьи. Корзинщик плел корзины. Документированность домашнего ткачества приятно удивляет обилием деревянных приспособлений для первичной обработки льна. О сапожном ремесле говорит не только наилучшим образом сохранившаяся кожаная обувь, но также сапожные колодки и прочий инструмент – пробойники, шила, ножницы. Си годился и для шорника и седельника, образцы продукции которых, узды, недоузки, подпруги, седло, есть среди находок. Кожа, в том числе самого высокого качества, выдывалась здесь же и, помимо того, шла на изготовление поясов, ремней, ножен. Археологам достались три молотка, 120 подков и многие тысячи гвоздей к ним. Зато кузнечного инструмента жители не оставили. На месте кузницы обнаружены только кварцитовая наковальня, шлак и заготовки. Кузнецы демонстрируют прекрасное владение всеми сложными техниками своего ремесла и используют их с большим разбором.

Отсутствие сколько-нибудь заметной хозяйственной специализации, разделения труда хотя бы между домами, никак решительно не отражалось на высочайшем технологическом уровне всех изделий, инструментов и операций.

Почти все найденное в Паладрю произведено на месте. Ввоз, из долины Роны, практически исчерпывался некоторыми редкостными лакомствами – такими, как тыквы, миндаль, фиги, а также посудой, железной рудой, оловом и солью. О торговле или уплате каких-либо натуральных оброков можно с уверенностью судить по некоторым диспропорциям в животных останках. Они выдают вывоз сазанов, свиных и бараньих окороков, вероятно, в соленом или вяленном виде. Очевидно, успешная хозяйственная деятельность и торговля продуктами питания были источником растущих материальных ресурсов жителей. Число найденных монет, 32 денье и обола главным образом с монетных дворов Вьены и Лиона, неимоверно велико – если иметь в виду, что это потерянные деньги. Ощутима и динамика обогащения – больше монет теряли к концу истории поселения. О торговле, кроме того, могут свидетельствовать предметы, явно обнаруживающие значение числа и счета в жизни колонистов – меры для зерна, меры длины, деревянные приспособления для счета.

В неожиданном свете предстают перед исследователями досуг и духовные запросы поселенцев. Если не брать в расчет немногих изображений креста в геометрических узорах, украшающих гребни и пряжки поясов, а также кресты на монетах и гончарных клеймах, находки археологов ничего не говорят о религиозных представлениях прежних хозяев. Впрочем, отмечают авторы, культовая утварь могла быть вынесена из гибнущего жилища в первую очередь. Зато жители берега Паладрю знают и используют грамоту. Доказательства тому – деревянный стиль и инициал владельца, вырезанный на одной из кленовых мисок. Выполненные на токарном станке, они привозные. Удивительно разнообразная и

многочисленная посуда рассказывает о том, как была обставлена трапеза. О домашних праздниках и посиделках также дают представление настольные игры (множество деревянных и костяных шахмат, игральные кости и жетоны для игры в триктрак) и музыкальные инструменты. Последние менее всего напоминают известные, примитивные глиняные рожки или свистульки. Духовные – это флажолеты, флейты, язычковые инструменты типа гобоя, соединенный с вольткой кларнет. Ударные представлены очень искусно сделанным тамбурином, струнные – подобием виолы. Реконструкции свидетельствуют о высоком качестве их звучания. Изготовление и игра на таких музыкальных инструментах, как все, что делали жители поселка, требовали настоящего профессионализма.

Из детских игрушек наибольшего внимания, очевидно, заслуживает крошечный арбалет. Ребенок подражал взрослым. 50 арбалетных наконечников найдено французскими археологами. Если судить по ограниченному количеству костей дичи, едва ли это было оружие охоты. Помимо того, имеются небольшие тисовые луки, наконечники стрел и метательных копий. Все это еще можно считать обычным крестьянским вооружением. О следующих находках, сделанных на дне Паладрию, этого не скажешь. Речь идет о великолепном боевом топоре, какие до сих пор были известны только по иконографии, массивном копье, безусловно предназначенном для конных ристаний, а также элементах кольчуги и панциря. Подобное оружие теряют не часто, оно передается из поколения в поколение или по мере надобности перековывается. Целого меча поселенцы не обронили, зато на единственной внутри укрепления незастроенной площадке археологи обнаружили осколки мечей – свидетельство военных упражнений жителей и еще одного способа времяпрепровождения. Лучшее из найденных украшений, изящная двухцветная эмаль по латуни, предназначалось не мужчине и не женщине, а лошади. Об использовании верховых лошадей говорят множество шпор, луженые удила и другие элементы конской сбруи, упомянутые подковы и особенно искусно сделанное и украшенное седло.

Поселение на берегу озера Паладрию соседствовало с двумя другими поселениями-близнецами. Их хронология, местоположение, размеры, архитектура близки или идентичны. Сходный инвентарь и палеоэкология позволяют уверенно говорить об их принадлежности “к единому социокультурному и технологическому горизонту”. Из числа беспрецедентных находок – два копья еще больших размеров, чем обнаруженное в основном поселении. Возможно, воспоминания об общей участи, которая постигла прибрежные поселки, хранит местная легенда о древнем городе, ушедшем под воды озера. Запечатлевшаяся в памяти на тысячелетие, катастрофа отвратила колонистов от злосчастных берегов? В ближайших окрестностях Паладрию исследователи насчитывают шесть или семь земляных укреплений, датируемых XI в. Два из них, примерно в километре от поселения, неплохо изучены археологически. По некоторым данным можно заключить, что они были заселены после оставления жителями прибрежных поселений – судя по всему, столь же непродолжительный срок, до

третьей четверти XI в. Следы сельскохозяйственных и ремесленных занятий в них все еще сосуществуют с поставленным на широкую ногу военным делом конных хозяев. "Типологическое единство и сходство инвентаря земляных укреплений и прибрежных поселков поразительны".

Не располагая письменными свидетельствами, мы не знаем, как мог быть охарактеризован статус поселенцев и занимаемых ими земель. Являются ли они людьми некоего могущественного лица, властвуют ли сами, очевидно то, что поселенцы ни в ком и ни в чем особенно не нуждаются. Они живут на всем своем и, похоже, осмысленно к этому стремятся. Небедствующие пахари, огородники, скотники, рыбаки, при деньгах и наилучшем хозяйственном инвентаре, мастера на все руки, владеющие столькими ремеслами, столь же профессиональные воины, грамотные и досужие игроки и музыканты, жители берега Паладрию, кажется, мало напоминают "крестьян и других бедняков", которых соборы Божьего мира того "железного века" относят к числу "безоружных"¹. Авторы сравнивают своих героев с *villani-caballarii*, упомянутыми на соборе в Ансе в 1025 г., и этот эвфемизм выносится ими в заглавие одной из книг.

Своеобразие быта поселенцев озера Паладрию известные французские археологи М. Коларделль и Э. Вердель соотносят с распространением, незадолго до того, на долину Роны суверенитета германских императоров. Действительно, о северо-востоке континента заставляет вспомнить не только архитектура, столь отличная от всего известного в Средиземноморье. Исследователи отмечают "тесное родство, если не абсолютное сходство" многих элементов культуры прибрежного поселения с германским, англо-саксонским, скандинавским, польским, русским материалом. Ближайшие параллели небывалому для французской археологии соединению военной активности и других атрибутов аристократического образа жизни с сельскохозяйственным и ремесленным производством происходят из Гессена, Тюрингии, Рейнланда. Впрочем, вероятно, сама описанная модель дома и экономики не столь уж экзотична и для романской Европы конца первого тысячелетия. "Если полная автаркия и невозможна, каждый стремится к тому, чтобы из года в год получать от земли необходимое для удовлетворения своих нужд... И несмотря на видимое значение торговли сельскохозяйственными продуктами, этот идеал остается всепроникающим: всякий человек – более или менее крестьянин, даже шателен... Все трудоспособные люди, какое бы положение в обществе они ни занимали и сколь бы ни были обширны их владения, предпочитают лично управлять обработкой своих земель; у них своя скотина, свои плуги... По своим вкусам и интересам все немного крестьяне"².

Исследование пополняет небогатую археологию времени стремительных и радикальных изменений во многих областях жизни средневековых обществ. Важнейшие связаны с экономическим ростом Европы до и после 1000 г., в котором видят предпосылку и двигатель перемен, и становлением – взамен разрушающейся власти территориальных князей, в нашем случае, носящих столь характерные прозвища бургундского короля Родольфа III Ленивого и морьенского графа Гумберта Белоручки, – баналитетной сеньории.

Об увеличении обрабатываемых площадей говорит сам факт заселения в этот период удаленных от региональных центров гористых территорий, прежде малопривлекательных в хозяйственном отношении “холодных земель”, как по сей день называют Нижний Дофине. На пустынных берегах Паладрю возникли сразу три поселения. Вероятно, возрастает и численность их обитателей – если только так следует понимать возведение со временем третьего жилища. Давление демографии, относительную перенаселенность старопахотных земель полагают одной из причин волны внутренней колонизации. Переселение с насиженных мест, трудоемкие расчистки каменистых суглинков окрестностей Паладрю не означали выживание нищеты. Колонисты бегут не от бедности, а за богатством, богатеют на глазах. Нет оснований числить среди предпосылок экономического преуспеяния некие усовершенствования в технике. Жители располагают лучшим и самым разнообразным хозяйственным инвентарем, однако ни о каких технических новшествах говорить не приходится. Источник их благополучия авторы усматриваются в другом. Ряд исследователей устанавливает зависимость хозяйственного подъема того времени от благоприятных, особенно для зернового производства, климатических изменений. Для Паладрю это нечто большее, чем соблазнительная гипотеза. Само озеро, природный плювиограф, уникальный источник по естественной истории региона, свидетельствует о том, что в середине X и начале XI вв. микроклимат действительно стал теплее и суше. Воды отступили. Новое изменение ситуации, повлекшее подъем уровня вод, допустимо сопоставить с описанными Раулем Глабером катастрофическими ливнями 1033–1035 гг. Возможно, весомы были и другие причины. Судя по всему, колонизация берегов Паладрю привела к нарушению хрупкого природного равновесия.

Историю прибрежных поселков и земляных укреплений первой половины XI в. авторы желали бы связать с процессом складывания в окрестностях Паладрю новой организации локальной жизни и территории, ключевыми элементами которой станут сеньориальные замки. Ее очертания яснее обозначились на рубеже следующего XII столетия. К несчастью, об этом периоде региональной истории мы хуже всего информированы. Идея заключается в том, что складывание баналитетной сеньории сопряжено с новым этапом общественного разделения труда. Одни сохраняют за собой военную функцию, обретают власть (бан), другие, занятые агрикультурой и ремеслом, берут на себя содержание воинов. Такая дифференциация социальных ролей выводит локальное общество из атомарного состояния, влечет за собой его интеграцию под сенью сеньориального замка. В хозяевах земляных укреплений французские археологи видят предков состоявшихся или несостоявшихся шателенов, а в самой колонизации берега Паладрю – “прелюдию феодальной революции” в регионе.

М. Коларделль и Э. Вердель твердо намерены “держаться эпохи и общепринятых схем социально-экономической организации”. Справедливо будет заметить, что о социальной революции археология Паладрю не свидетельствует. Вместо того, чтобы идеально вписываться в расхожие

рамки социального анализа, материал обнаруживает их неполноту. Если потомкам обитателей раскопанных поселений когда-нибудь суждено стать большими рыцарями или большими крестьянами, это должно быть сопряжено с преобразованием дома, "основополагающей социальной структуры всех крестьянских и крестьянско-аристократических культур"³.

¹ О крестьянах на территории современной Франции около 1000 г. см.: *Bonnassie P. From one servitude to another: the peasantry of the Frankish kingdom at the time of Hugh Capet and Robert the Pious (987–1031)* // *Bonnassie P. From Slavery to Feudalism in South-Western Europe*. Cambridge; P., 1991. P. 288–313.

² *Duby G. La société aux XIe et XIIe siècles dans la région mâconnaise*. P., 1988 (1-е éd. 1953). P. 54, 77.

³ *Brunner O. Das "ganze Haus" und die alteuropäische "Ökonomik"* // *Brunner O. Neue Wege der Verfassungs- und Sozialgeschichte*. Göttingen, 1968. S. 103–127.

И.В. Дубровский

Susan Reynolds

Fiefs and Vassals: The Medieval Evidence Reinterpreted.
Oxford: Oxford University Press, 1994. XII + 544 p.

В глазах поколений историков, феодализм являлся основополагающим понятием общественного быта средневековья. Несравненно меньше единства было и остается в вопросе о том, что под этим следует подразумевать. Хотя понятие кажется сегодня изрядно дискредитированным, и в особенности затруднительно описывать в качестве феодальных средневековые общества в целом, немало исследователей держится мнения, что у слова "феодализм" есть более узкое, техническое значение, в котором его использование оправдано. По распространенному предположению, на эту роль лучше всего годится то, что в разных национальных традициях именуют "the system of feudal and vassal institutions", "les liens féodo-vassaliques", "i rapporti feudo-vassallatici" или "das Lehnswesen". Надо сказать, что представлением об этих "феодо-вассальных институтах" или "отношениях" мы целиком обязаны предшествующей историографии. Вера в непогрешимость модели и историографический канон истолкования того, что в нее не вписывается, как местной специфики, не умаляющей правила, во многом выводят проблематику феодализма "в узком смысле слова" за рамки актуальной исторической критики в область несколько туманных историографических слухов.

Рейнолдс задается целью сопоставить данные источников об отношениях власти и собственности в средние века с понятиями феода и вассалитета, какие в ходу у историков. В ее поле зрения последовательно попадают материалы по средневековой истории Франции, Италии, Англии, Германии и попутно с ними — сепаратные национальные традиции толкования о феодализме. Автор желала бы решить, в какой мере феодал и вассалитет,